

ISSN 0869-4362

Русский
орнитологический
журнал

2014
XXIII

ЭКСПРЕСС-ВЫПУСК
1004
EXPRESS-ISSUE

2014 № 1004

СОДЕРЖАНИЕ

- 1609-1620 Эдуард Георгиевич Багрицкий (1895-1934) – поэт и птицелов. Е. Э. ШЕРГАЛИН
- 1620 Третья находка черноголового чекана *Saxicola torquata* в Калужской области. Ю. Д. ГАЛЧЁНКОВ
- 1621-1625 Новый локалитет траурного пастушка *Pardirallus nigricans* из Венесуэлы. А. А. ЛАСТУХИН
- 1625-1626 Авдотка *Burhinus oedicnemus* в Башкирии. В. А. ВАЛУЕВ, В. В. ЗАГОРСКАЯ
- 1626-1628 Большая синица *Parus major* кормится в старом гнезде серой вороны *Corvus cornix*. А. Г. РЕЗАНОВ
- 1628-1629 Случай остановки мигрирующих лебедей-шипунов *Cygnus olor* на городском пруду Караганды. Н. Н. БЕРЕЗОВИКОВ
-

Редактор и издатель А. В. Бардин

Кафедра зоологии позвоночных

Биолого-почвенный факультет

Санкт-Петербургский университет

Россия 199034 Санкт-Петербург

Р у с с к и й   о р н и т о л о г и ч е с к и й   ж у р н а л
T h e   R u s s i a n   J o u r n a l   o f   O r n i t h o l o g y
Published from 1992

V o l u m e   X X I I I
E x p r e s s - i s s u e

2014 № 1004

CONTENTS

- 1609-1620   Edward Georgievich Bagritsky (1895-1934) –
poet and birder. E . E . S H E R G A L I N
- 1620   The third record of the stonechat *Saxicola torquata*
in the Kaluga Oblast. Y u . D . G A L C H E N K O V
- 1621-1625   New locality of the blackish rail *Pardirallus nigricans*
from Venezuela. A . A . L A S T U K H I N
- 1625-1626   The stone curlew *Burhinus oedicnemus* in Bashkiria.
V . A . V A L U E V ,   V . V . Z A G O R S K A Y A
- 1626-1628   A great tit *Parus major* feeds in the old nest of hooded
crow *Corvus cornix*. A . G . R E Z A N O V
- 1628-1629   The migratory stopover of the mute swans
Cygnus olor on the city pond of Karaganda.
N . N . B E R E Z O V I K O V
-

A.V.Bardin, Editor and Publisher
Department of Vertebrate Zoology
St.-Petersburg University
St.-Petersburg 199034 Russia

Эдуард Георгиевич Багрицкий (1895-1934) – поэт и птицелов

Е.Э.Шергалин

Евгений Эдуардович Шергалин. Мензбировское орнитологическое общество. E-mail: zoolit@mail.ru

Поступила в редакцию 9 октября 2013

Поэт, драматург, переводчик, птицелов и аквариумист Эдуард Гodelевич Дзюбин (1895-1934), известный стране как Эдуард Георгиевич Багрицкий, не дожил и до 40 лет, но оставил после себя очень яркое творческое наследие. О работе поэта в Одессе и Москве написано много, а мы поставили перед собой задачу попытаться собрать сведения об его отношении к птицам и их роли в жизни нашего героя.

В 2001 году Моника Львовна Спивак подготовила к изданию очень интересные интервью с людьми, окружавших при жизни трёх знаменитых писателей и поэтов: Эдуарда Багрицкого, Андрея Белого и Владимира Маяковского. Эта книга была написана по материалам, собранным сотрудником Института мозга, известным психологом и неврологом, впоследствии лауреатом Государственной премии профессором Григорием Израилевичем Поляковым (1903-1982) (Спивак 2001, с. 68). Дело в том, что головные мозги всех троих великих поэтов России попали на изучение в Институт мозга, и с целью сравнительного и всестороннего исследования целенаправленно собиралось большое количество сведений и характеристик о жизни их обладателей. Нам кажется интересным представить выписки из характеристик разных людей об отношении Багрицкого к природе в целом и птицам в частности.

«Э.Г., единственный ребёнок, был в центре всей семьи. Был любимцем, все с ним возились и уделяли ему много внимания, за исключением отца, который уделял ему меньше времени. Но сам Э.Г. вспоминал впоследствии о том, что отец ему купил клетку с птичкой и этим привил ему любовь к птицам. Запомнился этот случай ещё и потому, что этот подарок казался ему впоследствии странным, необычным» (Там же, с. 91).

«Большое значение имел, несомненно, интерес Багрицкого к природе. Весной, вместо того чтобы идти в школу, шёл в парк и там ловил птичек, раскидывая сети и приманивая птиц подражательными звуками. На это занятие ходил один. Одним из излюбленных дел было вместе с рыбаками ловить рыбу и продавать её на базаре» (с. 93).

«Вот как описывает его в этот период времени Б.: «Худой, высокий мальчик, со своеобразным лицом, как будто птичьим, сам весь похож был на какую-то птицу (хищную)» (с. 94).

«Отец (Э.Г.Багрицкого – *Е.Ш.*) был в жизни неудачником. Служил в качестве приказчика в магазине готового платья в Одессе. Всю свою жизнь мечтал открыть своё собственное дело. Любил природу, птиц. Умер около 52-53 лет от рака желудка» (Спивак 2001, с. 101). Таким образом, мы видим, что любовь к природе и птицам Эдик Багрицкий унаследовал явно от своего отца.

Эдуард Георгиевич Багрицкий

«...Обычно в жизни был очень труслив. К., например, приводит следующие случаи: в доме был попугай, которого Багрицкий очень боялся из-за того, что попугай мог его ущипнуть. Часто этот страх перед попугаем выливался в панически-комические формы. Например, когда приходили гости, то попугая обыкновенно брали из клетки и позволяли свободно разгуливать по столу. Когда попугай приближался к Багрицкому, тот стремился всеми силами отодвинуться от него подальше и защищался щёткой. Интересно, что попугай прекрасно уловил, что Багрицкий его боится, и в то время как в отношении всех остальных вёл себя смирно, выказывал в отношении Багрицкого определённую агрессию. Боязнь перед попугаем доходила даже до патологических размеров. Попугай ему снился...» (с. 136-137). К этому попугаю мы ещё вернёмся.

«Остановимся вкратце на его отношении к природе. Мы выше указывали, что была большая любовь к природе. На это указывают все, близко его знавшие. С этим связано и его предпочтение к сельской

жизни по сравнению с городской, о которой упоминают некоторые из дающих сведения. Любил только деревенскую жизнь, жизнь на лоне природы, не только из-за болезни, но и вообще образ жизни вне города ему нравился. Городскую жизнь определённо не любил, тяготился ею. Не любил культуры вообще, городской культуры в особенности. Очень любил смотреть как топят русскую печь. Когда жили в Кунцево, часто топили печь только из-за интереса смотреть, как она топится (А). Очень любил природу во всех её проявлениях (Ф). Любил природу и сельскую жизнь (Д). В. отмечает при этом, что при своей очень большой любви к природе никогда не восхищался ею. Вслух, например, никогда не любовался во всеуслышание закатом, пейзажем, морем. Любовь к природе, как нам кажется, играет выдающуюся роль в его страсти к коллекционированию рыб и птиц, о чём речь подробнее будет ниже» (с. 141).

«Держал постоянно собак, только из-за жены принуждён был держать одну собаку зараз. Особенно необходимо подчеркнуть коллекционирование рыбок и птиц. Собираение рыб и птиц относилось к наиболее сильным его страстям. Мечтой было иметь отдельную комнату для рыб и птиц» (с. 148).

«К естественным наукам интерес был. Этот интерес находился в тесной связи с его любовью к природе. Это вытекает из того, что в школьные годы очень часто убегал из школы в сад, в лес или к морю. Он сохранился и в зрелом возрасте. Интересно при этом отметить то, что он сочетался у него в дальнейшем с его коллекционированием рыб и птиц. Вот что в этом отношении передаёт его жена: «Была выраженная склонность к естествоиспытательству. Приобрёл себе микроскоп, через который, например, рассматривал часть погибавших у него в аквариуме рыбок (когда они погибали), и старался установить причину их гибели. Всегда старался достать себе рыбок самых редких пород и мог их разводить. Некоторые породы развёл впервые. В этом отношении может быть оценён как серьёзный рыбовод-любитель. Лечил сам больных рыбок. Мог часами сидеть и наблюдать их. <...> Считал себя по профессии рыбоводом. Был членом Московского общества естествоиспытателей, хотя сам на заседаниях общества ни разу не был. Приобрёл себе даже несколько иностранных книг по рыбам».

На то же указывает и И.: «Интересовался биологией. В школьные годы читал Брэма, также книжки про рыбок» (с. 162).

«Была способность к анализу и синтезу наблюдаемых явлений. Например, делал наблюдения над рыбками и вывел определённое правило относительно метода разведения определённых пород. Однако склонности к углублённому анализу и обобщению наблюдений не отмечалось» (с. 164).

Таковы сухие, академические, объективные и непредвзятые отзывы о Э.Г.Багрицком, как о простом человеке без славы и известности.

В 1973 году в Москве в издательстве «Советский писатель» вышли воспоминания современников о Багрицком, где он – уже легендарная личность. На интерес Багрицкого к природе и птицам указывают многие его друзья и коллеги. Предоставим им слово.

Одно из своих самых первых стихотворений Э.Багрицкий назвал «Птицелов» (1918). Напомним его читателю.

Птицелов

Трудно дело птицелова:
Заучи повадки птичьи,
Помни время перелётов,
Разным посвистом свисти.

Но, шатаясь по дорогам,
Под заборами ночуя,
Дидель весел, Дидель может
Песни петь и птиц ловить.

В бузине, сырой и круглой,
Соловей ударил дудкой,
На сосне звенят синицы,
На берёзе зяблик бьёт.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Три манка – и каждой птице
Посвящает он манок.

Дунет он в манок бузинный,
И звенит манок бузинный,–
Из бузинного прикрытья
Отвечает соловей.

Дунет он в манок сосновый,
И свистит манок сосновый,–
На сосне в ответ синицы
Рассыпают бубенцы.

И вытаскивает Дидель
Из котомки заповедной
Самый лёгкий, самый звонкий
Свой берёзовый манок.

Он лады проверит нежно,
Щель певучую продует,–
Громким голосом берёза
Под дыханьем запоёт.

И, заслышав этот голос,
Голос дерева и птицы,
На берёзе придорожной
Зяблик загремит в ответ.

За просёлочной дорогой,
Где затих тележный грохот,
Над прудом, покрытым ряской,
Дидель сети разложил.

И пред ним, зелёный снизу,
Голубой и синий сверху,
Мир встаёт огромной птицей,
Свищет, щелкает, звенит.

Так идёт весёлый Дидель
С палкой, птицей и котомкой
Через Гарц, поросший лесом,
Вдоль по рейнским берегам.

По Тюринии дубовой,
По Саксонии сосновой,
По Вестфалии бузинной,
По Баварии хмельной.

Марта, Марта, надо ль плакать,
Если Дидель ходит в поле,
Если Дидель свищет птицам
И смеётся невзначай?

Поэтому совсем не случайно, что точно так же – «Птицелов» – озаглавил свои воспоминания о близком друге и Константин Георгиевич Паустовский (1892–1968):

«Потом мы закурили папиросы “Ира”, и начались мечты. Мне они казались совершенно детскими и, конечно, нелепыми. Я относился к ним снисходительно, но в глубине души всё же верил в эти мечты Багрицкого. Он говорил почему-то во множественном числе, но совершенно серьёзно:

– Получим гонорар. Ну, сколько? Как вы думаете? На круг – тысячу рублей? Или, может, больше?

– Больше, – говорил я.

– Полторы тысячи?! – восклицал Багрицкий. – Или две? – спрашивал он, испуганный собственной дерзостью, и выжидательно смотрел на меня.

– Свободно ! – говорил я, небрежничая. – Очень даже свободно, что и все три. Чем чёрт не шутит.

– Три так три! Тогда так, – говорил Багрицкий и загибал палец на левой руке. – Одну тысячу – телеграфом в Одессу, Лиде и Севе (жене и сыну). У них нет ни ложки постного масла. На другую тысячу мы покупаем на Трубе птиц. Всяких. Кроме того, на пятьсот рублей покупаем клеток и муравьиных яиц для корма. И ещё канареечного семени. Самый лёгкий и калорийный корм для птиц. Остаётся пятьсот рублей на дожитие в Москве и на обратную дорогу до Одессы-мамы.

Мечты эти каждый день менялись, но не очень значительно. То прибавлялись книги и за этот счёт одесская тысяча сокращалась до семисот рублей, то возникало духовое ружье.

Багрицкий развлекался этими мифическими подсчётами. Я вместе с ним втянулся в игру. Меня только смущала сумма в пятьсот рублей, предназначенная на муравьиные яйца и канареечное семя.

Я представлял себе навалы, целые чатырдаги муравьиных яиц. Их, по словам Багрицкого, надо было хранить очень умело, в точной температуре. Иначе в один прекрасный день все эти яйца могут превратиться в рыжих злых муравьёв. Они разбегутся по дому и за полчаса вынесут до последней крупинки весь сахарный песок.

Я считал, что пятьсот рублей на муравьиные яйца, пожалуй, много.

Багрицкий много рассказывал мне о своих одесских птицах. Но я знал это сам. Я был однажды у него на Дальницкой улице и помню сплошной треск, щебет, свист и чириканье в клетках, подвешенных высоко под потолком. Брызги воды летели на головы из клеток, где птицы мылись в цинковых мисках, трепеща крыльями. По словам Багрицкого, это были самые редкие и самые дорогие птицы, хотя выглядели они затрапезно и довольно жалко. Он покупал их на окраинных базарах, ловил в степи за Фонтаном, выменивая на соль и табак. У него были паутинные сети для ловли птиц и разнообразные дудочки и манки» (Паустовский 1973, с. 123-125).

«Страстный любитель природы, Багрицкий был обречён на вечную с ней разлуку. Он не мог прийти к ней, к природе, – и таскал её в свой дом. Природа жила, пела и размножалась в его доме. Он прекрасно знал птиц и рыб, и в этом я имел возможность не раз убедиться, когда попадал с ним на охотничьи базары – в Одессе, за Дальницкой, в Москве – на Трубной и Миусской площадях. Старые профессионалы – птицеловы и рыбоводы говорили с ним почтительно и долго, записывали его адрес, расспрашивали. Так старики не разговаривают с дилетантом. Кстати, признанием птицеловов и рыбоводов Эдуард гордился, пожалуй, больше, чем признанием литературной критики.

– Послушайте, как поёт юла, – говорил нам любимый, немногими известный в Одессе поэт.

– Посмотрите, как размножатся калиурусы... или полицентрис хомбурга... – говорил любимый многими и известный всему Союзу поэт... Он любил поиздеваться над литераторами, не знающими или плохо знающими природу...» (Гехт 1973, с. 37-38).

Очень курьёзный случай рассказал Скуратов:

«Зимой Багрицкий ещё кое-как занимался, но едва наступала весна, как он одним из первых открывал сезон «казны». На школьном жаргоне того времени «править казну» значило: уйдя утром с ранцем из дому, вместо школы удрать куда-нибудь за город...

Позже, вспоминая об этом периоде своей жизни, Эдуард любил рассказывать, как однажды на «казне», поставив западню и подкарауливая птицу, он увидел издали направлявшегося к нему классного надзирателя. Позабыв в охотничьем азарте всё на свете, Эдя бросился на встречу своему «педелю» с криком: «Не ходите туда, Семён Петрович, вы мне птичку спугнёте!».

Василий Григорьевич Перов. Птицелов. 1870 год. Холст, масло. 82,5×126 см.

При всей своей привязанности к природе Эдя никогда не был сентиментален» (Скуратов 1973, с. 46-47).

Марк Тарловский для сборника воспоминаний написал даже целую главу «Багрицкий и животный мир».

«К бывшим тогда у меня чижу и зеленушке он отнёсся скептически, заявив, что из первых птиц ценит только аристократию: соловьёв, славков, дроздов. В 1921 году он заселил свою комнату на Новосельской улице многочисленными птицами. Жадный до пения, он стремился приобретать нежных насекомоядных птиц, проблема кормления которых доставляла ему много хлопот. На подоконнике единственного окна была устроена целая птичья кухня. Здесь растирались и смешивались в различных комбинациях различные составные части сложного птичьего стола. Птицы всё-таки долго не протягивали. Однажды, придя в комнату на Новосельской, где клетки уже сильно поредели, я застал Багрицкого причащающим святых тайн черноголовую славку, которая уже была вынута из клетки и лежала перед ним на подоконнике лапками кверху с закрытыми перепонками голых век и тяжело и прерывисто дышала. Он набирал в рот воды и опрыскивал свою птицу, как прачка опрыскивает белье при глажении. <...> Славки, дрозды, соловьи, которых немало погибло у Эдуарда в Одессе и потом в Кунцево, — все эти бедные пичуги были в один прекрасный день вознаграждены и увековечены «Стихами о соловье и поэте» (Тарловский 1973, с. 95-96).

Заканчивается это стихотворение такими строками:

Нас двое...
Нам некуда нынче пойти;
Трава горячее, и воздух утарней,—
Весеннее солнце стоит на пути.

Куда нам пойти? Наша воля горька!
Где ты запоёшь?
Где я рифмой раскинусь?
Наш рокот, наш посвист
Распродан с лотка...
Как хочешь —
Распивочно или на вынос?

Мы пойманы оба,
Мы оба — в сетях!
Твой свист подмосковный не грянет в кустах,
Не дрогнут от грома холмы и озёра...
Ты выслушан,
Взвешен,
Расценен в рублях...
Греми же в зелёных кусках коленкора,
Как я громыхаю в газетных листах!..

Так невидимая рука рынка мёртвой хваткой берёт за горло...

«Часто по базарным дням Эдуард ходил в Одессе на Дальницкий рынок, который соответствовал московскому Трубному. Ходил с ним туда и я. Когда Эдуард попадал на рынок, где его многие торговцы знали и где относились к нему с уважением, несмотря на то, что он часто приходил с пустым карманом, — начиналась дегустация птичьих щербетов и разговоры с продавцами на таком специфически охотничьем жаргоне, что я далеко не всё понимал из того, что они говорили.

Недалеко от Дальницкого рынка жил в окружении своего бойкого товара главный Кит Китыч одесской зоонеготии. Недавно ещё только у него был блистательный зоологический магазин на Греческой улице. Но, попавши под ударом борьбы с частной торговлей донэповского периода, он, представлявший в своём лице всю животноторговую стихию города, отхлынул на Молдаванку, где продолжал своё дело полуподпольно. Эдуард к нему не ходил. Слыша его имя, он как бы «бледнел, терзаясь тайно, и взоры в землю отпускал». Приблизительно то же самое делал и вышеупомянутый Кит Китыч, когда слышал фамилию Багрицкого. В основе их распри лежала таинственная история с черноголовой славкой, на которую оба противника заявляли чуть ли не нотариальные претензии. Спор был академический, так как злополучная славка давно уже отошла в иной мир. Поскольку с неё уже нечего было взять, оба ревнивых воспоминателя канонизировали её каждый в своём сердце и приписывали ей такие чудодейственные свойства, какими вообще никогда не обладала ни одна славка в мире. Кит Китыч, например, уверял, что она умела петь в четыре россыпи. Эдуард

его глушил на месте горьким напоминанием о том, что по овсянистости напева она превосходила канарейку...

Как-то весной 1920 года, после совместного выступления в одном из рабочих клубов на слободке Романовке, мы пешком возвращались в город, идя полями, пустырями и огородами. Казалось, что вокруг всё мертво. Не будь со мною Багрицкого, я бы, может быть, ничего и не заметил. Но он мне доказал, что вокруг все живёт. Он обращался к жёлтым комочкам придорожной глины с чревовещательными заклинаниями, и эти комочки превращались в суетливых перепелов. Засунув в рот пальцы, он кидал вызов безжизненным на первый взгляд веткам акации, и заинтригованные ветки отвечали птичьими голосами. Он останавливался посреди дороги с блаженным выражением лица, судорожно хватая меня за руку и задрав к небу голову, и заставлял признаваться в том, что я слышу пение жаворонка. И я признавался, хотя, грешным делом, не всегда слышал пение. Эдуард издавал предупредительное шипение, делал стойку и предлагал мне на расстоянии сорока шагов распознать греющуюся на солнце ящерицу. В ржавой окраске – застоявшихся циклопов и запоминать местоположение этих луж, чтобы потом сюда можно было вернуться за этим идеальным рыбьим кормом...» (Тарловский 1973, с. 96-97).

«Дольше всего Эдуард был способен увлекаться рыбами. Однажды члены редакционного совета одного из издательств, которые не хотели начинать своего заседания без Багрицкого, были поставлены в известность о том, что Багрицкий приехать не может, так как у него рождает *Girardinus decemmaculatus*...

К остальным животным он быстро охладевал. Когда я принёс ему оригинальных тропических насекомых «палочников», то несколько дней он очень радовался этим ярчайшим эксплуататорам способности живой природы к мимикрии, этим живым веткам, которых даже птица не трогает, когда они замирают, сложив или растопырив свои лапки и слегка раскачиваясь, как бы поколебленные ветром. Но очень скоро у него их не стало, несмотря на их долговечность и выносливость. Мне он по крайней мере сказал, что они просто у него разбежались. И того попугая, который был свидетелем последнего года его жизни, он отдал довольно скоро. В первое же время он им очень увлекался. С горящими глазами он мне читал выисканное им в немецком издании Брема стихотворение про попугая, оставшегося единственным хранителем нескольких слов языка, на котором говорило одно дикое племя, вымершее вплоть до последнего своего представителя...

Он особенно гордился, когда к нему приходили специально как к зоологу. А такие визиты были нередки. И были среди рыбководов такие, которые видели его основное призвание в ихтиологии, а поэзию считали блажью, оправдываемую разве только что в плане необходимости

зарабатывать деньги на дальнейшее расширение рыбного хозяйства. Как-то Эдуарда даже посетил директор одного южного зоопарка. С огромным юмором Эдуард рассказывал о том, как этот директор борется со скупостью местного исполкома и, чтобы иметь достаточное количество продуктов для себя и служащих, выписывает медвежий рацион по неестественно повышенным нормам.

По отношению к животному миру Багрицкий не был только дилетантом. Он, как я уже говорил, штудировал серьёзную, узкоспециальную литературу. Своё больше аквариумное хозяйство он вёл по всем правилам строгой науки, вплоть до динамо-машины для снабжения рыб воздухом» (Тарловский 1973, с. 99-100).

«Об Одессе он продолжал упоминать с неизменной нежностью. Он справлялся о погоде, о весне, о море. Он не терял своих одесских охотничьих связей. В дальнейших письмах он писал: “Живу я сейчас в собственной квартире, как помещик. У меня две собаки, причём одна из них на всероссийской выставке получила серебряный кубок. В Москве я встретился с Кипеном: чудесный старик. Я думаю в Одессе купить собаку, птиц и рыб”. ...Но все это было позже. В пору же, о которой я пишу, мы ещё продолжали сидеть в Одессе. На расстоянии квартала от моего дома начиналась степь, жаворонки свистели в ней напропалую. Возвращаясь из своих птицеловных путешествий, Эдуард заходил к нам. Раздавался собачий лай, топот, Багрицкий входил, начиная бурно острить ещё с порога. Моя мать, желая сделать ему приятное, как-то разыскала на чердаке большую клетку для птиц и подарила ему. Никогда в жизни ещё я не видела такого восторга на лице Эдуарда. Он вертел клетку в руках, щёлкал по дну и с упоением рассказывал, как он теперь разместит своё птичье хозяйство...” (Тэсс 1973, с. 105).

«Попугай этот был склочной и крикливой птицей и в течение нескольких месяцев отравлял жизнь самому Багрицкому и его домочадцам с изобретательностью и упорством вполне разумного существа. Печальнее же всего было то, что от него долго не удавалось избавиться, потому что, прослышав о нраве зловредной птицы, никто не желал не то чтобы покупать её, но даже и брать задаром. Между тем попугай был говорящий и, приходя в хорошее настроение, хлопал крыльями и кричал “ура”. Кроме того, он умел при помощи своего огромного, зловеще изогнутого клюва извлекать из мебели обойные гвозди с той же лёгкостью, с какой взрослый человек вынимает травинки из рыхлой почвы. Разумеется, об этом его таланте Багрицкий в разговорах с возможными покупателями не распространялся, особенно после того, как однажды, пользуясь своим могучим инструментом, попугай напроць разорвал туфлю у поэтессы Адалис, только чудом не повредив ей ногу» (Мунблит 1973, с. 153-154)

«Толпами приходили сюда – и молодые и немолодые, – и все они

преимущественно занимались тем же: читали стихи, подражали птицам, рассматривали рыбок, спорили о повадках зверей. Весёлые клетки болтались под потолком – да, нередко сырым, в пятнах от прошедшего дождя» (Бондарин 1973, с. 404).

Улыбку вызывает эпизод, описанный Львом Славиним:

«Однажды, растворив окно, Багрицкий принялся выпускать на волю птиц, которых он очень долго и тщательно собирал. Птицы улетали не сразу, они цепенели на секунду – их охватывал какой-то шок радости – и вдруг, что-то прощепетав, исчезали. “А что они щебечут, Эдуард Георгиевич?” – осведомился мой красноармеец, малый чувствительный. – “Они, наверное, поют вам благодарственные гимны?” – “Они кроют меня по матери”, – мрачно сказал Багрицкий» (Славин 1973, с. 414).

«Некоторые склонны были считать оригинальничанием занятия Багрицкого рыбоводством и птицеводством. Он не был дилетантом. Он ни в чем не допускал любительщины и был настоящим, серьёзным зоологом. “Любовь к соловьям – специальность моя”, – писал он. Когда болезнь принудила его к неподвижности, он вынужден был оставить вылазки на природу и втащил природу к себе в квартиру.

Впоследствии он сменил птиц на рыб, я думаю, потому, что аквариум, в отличие от клетки с птицей, – это подлинный подводный мир, перенесённый в комнату со всей своей атмосферой» (Славин 1973, с. 415).

«Тогда ещё шумел “птичий рынок” – Труба, описанный ещё Чеховым. Издавна торговали птицами, рыбками, и там была невероятная толкотня. Чехов говорил, что весь рынок похож на решето с чёрными раками. Кажется, там я встретил Эдуарда. Кажется, познакомил меня Исаак Бабель» (Шкловский, 1973, с.424).

«Итак, поэма «Февраль». Речь идёт о Февральской революции, о помпезном, ослепительно быстром и лёгком крушении старого мира... Пускай всё произошло – всё равно поэма останется пронзительным, как звук серебряной фанфары, гимном молодости, освобождению, гимном вечно побеждающей жизни:

Будут ливни, будет ветер с юга,
Лебедей влюбленное ячанье...

Такими были последние написанные Багрицким строки» (Антокольский 1973, с. 8-9).

Вот так: и самое первое стихотворение, и самая последняя строфа в творчестве «ангела смерти в кожаной тужурке» – Эдуарда Багрицкого были связаны с птицами...

Л и т е р а т у р а

Антокольский П. 1973. Путь поэта // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 3-21.

- Бондарин С. 1973. Отец и сын // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 402-408.
- Гехт С. 1973. Вечера в железнодорожном клубе // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 36-44.
- Мунблит Г. 1973. Давние времена // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 139-162.
- Паустовский К. 1973. Птицелов // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 120-129.
- Скуратов Б. 1973. Ранние годы // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 45-49.
- Славин Л. 1973. Поэзия как страсть // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 409-419.
- Спивак М.Л. 2001. Посмертная диагностика гениальности // *Эдуард Багрицкий, Андрей Белый, Владимир Маяковский в коллекции Института мозга (материалы из архива Г.И.Полякова)*. М.: 1-496.
- Тарловский М. 1973. Багрицкий и животный мир // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 91-100.
- Тэсс Т. 1973. Дальницкая, 3 // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 101-106.
- Шкловский В. 1973. Путь к «Эдуарда Багрицкого горе» // *Эдуард Багрицкий: Воспоминания современников*. М.: 420-429.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2014, Том 23, Экспресс-выпуск 1004: 1620

Третья находка черноголового чекана *Saxicola torquata* в Калужской области

Ю.Д.Галчёнков

Второе издание. Первая публикация в 2000*

25 апреля 2000 пара черноголовых чеканов *Saxicola torquata* встречена на окраине пойменного луга реки Оки около юго-восточной окраины деревни Мехово Перемышльского района. Характер биотопа, а также поведение птиц указывали на возможность последующего гнездования. Ранее черноголовый чекан в Калужской области регистрировался дважды. 1 апреля 1997 самец отмечен во время миграции на юго-западной окраине города Калуги. В 1998 году в материалах заповедника «Калужские засеки» А.Б.Костиным приведён факт встречи на южном участке.

---

* Галчёнков Ю.Д. 2000. Третья находка черноголового чекана в Калужской области // *Калужский вестник природы*. Вып. орнитол. 1: 30.

Новый локалитет траурного пастушка *Pardirallus nigricans* из Венесуэлы

А.А.Ластухин

Альберт Аркадьевич Ластухин, Эколого-биологический центр «Карапп», ул. Кооперативная, д. 4, г. Чебоксары, 428000, Чувашская республика, Россия. E-mail: Alast@mail.ru

Поступила в редакцию 5 апреля 2014

По результатам нашей экспедиции (под моральным покровительством Русского энтомологического общества при РАН РФ) по Венесуэле, осуществлённой в 2011 году (рис. 1), приводим сведения о находке траурного пастушка *Pardirallus nigricans* (Vieillot, 1819). В состав экспедиции входили Альберт Аркадьевич Ластухин (руководитель), Александр Ричардович Лаптев и Андрей Геннадьевич Степанов. Энтомологические исследования проводились всеми участниками, а орнитологические в основном А.А.Ластухиным.

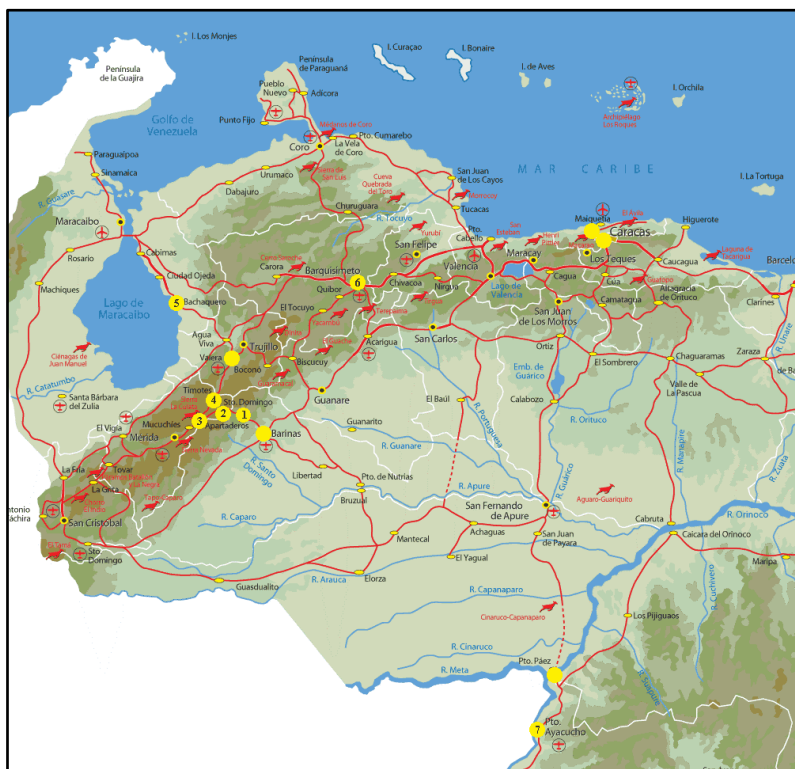

Рис. 1. Маршрут нашей экспедиции по Венесуэле.

Орнитологические исследования включали полевые наблюдения по всему маршруту с помощью биноклей, запись всех встреченных на маршрутах голосов птиц на цифровой диктофон, отлов паутиной сетью для фотографирования, изучения внешних признаков с последующим выпуском птиц в места отлова, фотографирование птиц в при-

роде, запись описаний характерных внешних признаков птиц на диктофон непосредственно во время наблюдений. При обработке материалов проводилось сравнение предварительного определения птиц по определителям (Restall *et al.* 2007) с их голосами из международной базы данных «A list of all species in the world-wide xeno-canto collection that occur in the Americas». Всего нами собрано более 1000 записей голосов птиц в природе во всех пунктах пребывания (рис. 1).

Фауна птиц Венесуэлы изучена довольно полно. По версии Species lists of birds for South American countries and territories South American Classification Committee (14.06.2012), в Венесуэле зарегистрировано 1378 видов птиц, из которых 1237 гнездятся, 50 эндемиков, 102 встречаются регулярно, но только во внегнездовое время, 26 залётные, 8 интродуцированы и 1 исчезнувший из региона. После обработки 25-30% собранного нами материала выявлено 178 видов птиц. Эти результаты опубликованы (Ластухин 2011).

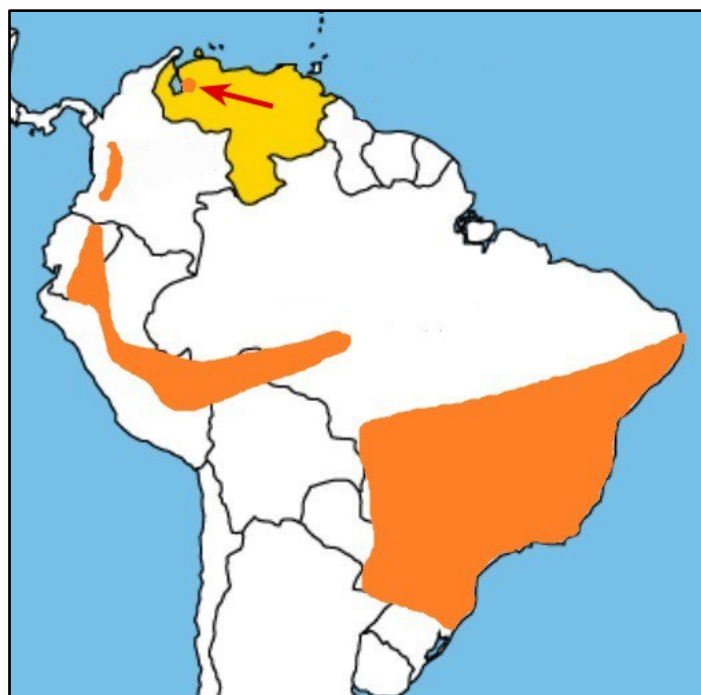

Рис 2. Ареал и место новой находки (указано стрелкой) траурного пастушка *Pardirallus nigricans* в Венесуэле.

Особого внимания заслуживает находка траурного пастушка. До недавнего времени известный ареал этого вида охватывал Бразилию, Боливию, Перу, Эквадор и Колумбию. По результатам нашей экспедиции ниже приводим сведения о находке нового локалитета траурного пастушка из Венесуэлы (рис. 2).

Обстоятельства обнаружения этого вида следующие: 14 марта 2011 на восточном берегу озера Маракайбо, самого крупного в Южной Америке (13210 км²) и одного из древнейших на Земле (рис. 3), в районе Vachaquero (Lagokito, 9.9039° с.ш., 71.1039° з.д.) на высоте 10 м над

Рис. 3. Места обитания траурного пастушка –озеро Маракайбо. 15 марта 2011.

Рис. 4. Место находки траурного пастушка: заросший *Typha* sp., *Eichornia crassipes* и *Pistia stratiotes* канал, впадающий в залив озера Макарайбо. 15 марта 2011.

уровнем моря я наблюдал птиц у пресноводного водоёма (рис. 4). Среди гомона многочисленных и разнообразных птиц в 10 ч 15 мин какая-то из птиц внезапно начала громко токовать. Я включил диктофон на запись и стал рассматривать, кто бы это мог быть? Однако птица кричала из густых зарослей и выходить оттуда не собиралась. Позднее голос самца (его не видел) был выявлен при обработке наших аудиозаписей (рис. 5). Эти данные опубликованы (Ластухин 2011). Некоторое

время спустя, 13 сентября 2012, венесуэльский орнитолог Jose Gustavo León высказал сомнение в данном определении по голосу, т.к. траурный пастушок из Венесуэлы известен не был. По его версии, это были голоса черношейной паламедеи *Chauna chavaria* (Linnaeus, 1766). Однако 30 октября 2012 ему возразил американский эксперт Dan Lane (Louisiana, USA), согласившись с нашим определением. Ещё через некоторое время, 5 апреля 2014, J.G.León сообщил нам: «Agree too, it is a new species in the area, confirmed lately by a photo record». Таким образом, наше первоначальное определение траурного пастушка подтверждено двумя экспертами по голосам фауны птиц Южной Америки.

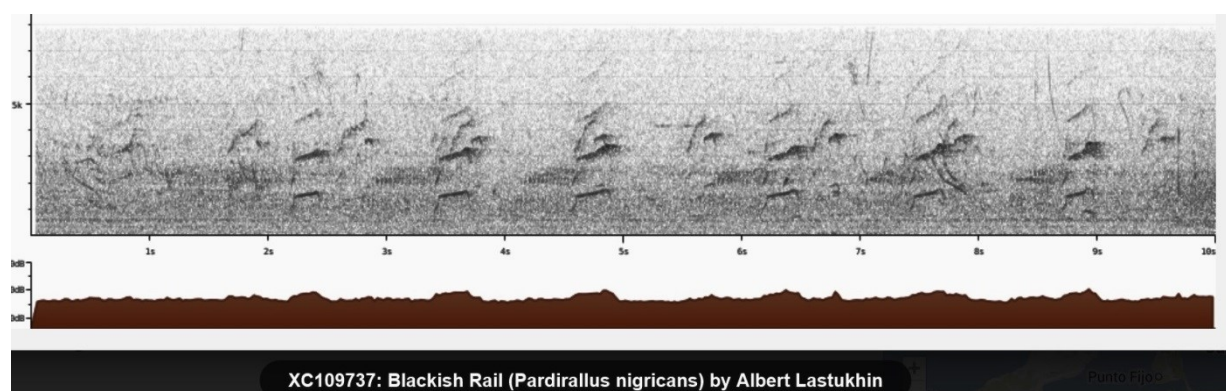

Рис. 5. Сонограмма токовых криков самца траурного пастушка *Pardirallus nigricans*.

Токовые крики транслитерируются как восходящие гнусавые звуки «квиш» длительностью 0.2-0.3 с. На сонограмме видны 6 криков за 7 с (рис. 5). Особенно звонкие лежат в диапазоне между 2.805-3.291 кГц. Длительность полной песни 6.8 с., состоит из двух тройных криков. Интенсивность исполнения песни составляла 4 полных двойных триплета в минуту. В середине марта в этом месте, судя по интенсивному токованию нескольких самцов, брачный сезон был в самом разгаре.

На время исследования и первой публикации (Ластухин 2011) траурный пастушок в фауне Венесуэлы не был отмечен. Позднее его там нашли Zambrano и Isaana (2012).

Выражаю искреннюю благодарность А.Р.Лантеву, А.Г.Степанову, моим постоянным спутникам в экспедициях. Lastukhin M.A. & O.A., and Lastukhin A.A. Jr. (N-York, USA) за помощь в обеспечении определителями, фото и аудио техникой в орнитологических исследованиях. Jose Gustavo Leon (Venezuela, Maracaibo); Dan Lane (honorary research associate at the LSU Museum of Natural Science, Baton Rouge, Louisiana, USA) за полезные консультации по теме.

Литература

- Ластухин А.А. 2011. Новые данные по орнитофауне Венесуэлы // *Актуальные проблемы биологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф.* Чебоксары: 11-21.
- Birds of Venezuela by David Ascanio, Jhonathan Miranda, Jose Gustavo León, Curtis A. Marrantz, Tony Crease, John Kvarnback, and Gustavo Rodriguez 14 Jun 2012 Species lists of birds for South American countries and territories South American Classification Committee American Ornithologists' Union.

Zambrano M., Isaana V. 2012. *Characterization of current habitat and distribution from genere Laterallus in Zulia*. Proyecto de Trabajo Especial de Grado. Universidad del Zulia. Facultad Experimental de Ciencias. División de Estudios Básicos Sectoriales. Licenciatura en Biología. Maracaibo: 1-103.

Blackish Rail (*Pardirallus nigricans*). Albert Lastukhin, XC109737: www.xenocanto.org/109737.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2014, Том 23, Экспресс-выпуск 1004: 1625-1626

Авдотка *Burhinus oedicnemus* в Башкирии

В.А.Валуев, В.В.Загорская

Валуев Виктор Алексеевич, Валерия Викторовна Загорская. Учебно-научный зоологический музей, Башкирский государственный университет, ул. Заки Валиди, д. 32, Уфа, 450076, Россия. E-mail: ValuyevVA@mail.ru; valeria76@mail.ru

Поступила в редакцию 21 мая 2014

Единственное упоминание о нахождении авдотки *Burhinus oedicnemus* на территории современной Республики Башкортостан встречается в работе В.Д.Ильичёва, В.Е.Фомина (1988). Они сообщают, что самка этого вида была добыта 25 октября 1928 под городом Стерлитамак и её тушка хранится в ЗИН АН СССР. Сами же авторы во время своих экспедиций в 1974-1976 годах в Башкирии её не регистрировали. Во время наших исследований территории республики с 1981 по 2013 год (Валуев 2006, 2006а) авдотка нам ни разу не встретила.

Таксидермисты А.А. и К.А. Крыгины в начале первого десятилетия XXI века говорили нам, что под Уфой они встретили «кулика с большими глазами» и на изображениях в определителях (Валуев 2003, 2009) показали на авдотку. Мы выезжали на это место, но авдотку там не обнаружили. А поскольку, переработав все публикации, касающихся птиц республики, мы не нашли ни одного упоминания об этом кулике, кроме добытого у Стерлитамака в 1928 году, то мы в своих обзорных работах о куликах (Валуев 2005, 2007, 2008) не стали упоминать сообщения Крыгиных, руководствуясь советом авторитетных коллег воздерживаться от ссылок на описания птиц охотниками и вообще не профессионалами.

Однако во время экспедиции по Зауралью Башкирии в апреле-мае 2014 года нам удалось наблюдать этот вид. Вечером 30 апреля 2014 в Баймакском районе рядом с нашим лагерем закричала авдотка. Мы включили магнитофон с записью её голоса. Птица приблизилась. Но сфотографировать её нам так и не удалось – авдотка не подпускала близко. Интересно отметить и тот факт, что при нашем возвращении в

лагерь (после неудачной фотоохоты), кулик, крича, шёл за нами и продолжал кричать рядом всю ночь. Его крик возле лагеря (окрестности деревни Богачёво) мы слышали и утром. Поведение птицы предполагает её намерение гнездиться на этом участке, иначе бы она покинула это место во время нашего её преследования.

Литература

- Валуев В.А. 2003. *Полевой определитель куликов Урала, Приуралья и Западной Сибири в полёте*. Уфа: 1-20.
- Валуев В.А. 2005. Кулики (Limicoli) Башкортостана // *Вестн. Башкир. ун-та* 2: 48-55.
- Валуев В.А. 2006. *Эколого-фаунистическая характеристика куликов Башкортостана и проблема их охраны*. Автореф. дис. ... канд. биол. наук. Уфа: 1-22.
- Валуев В.А. 2007. *Экология куликов Башкортостана и аспекты их охраны*. Уфа: 1-156.
- Валуев В.А. 2008. *Экология птиц Башкортостана (1811-2008)*. Уфа: 1-712.
- Валуев В.А. 2009. *Полевой определитель куликов и гусеобразных Восточной Европы и Урала в полёте. Пособие для полевой практики по зоологии позвоночных*. 2-е изд., доп. Уфа: 1-60.
- Ильичёв В.Д., Фомин В.Е. 1988. *Орнитофауна и изменение среды (на примере Южно-Уральского региона)*. М.: 1-247.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2014, Том 23, Экспресс-выпуск 1004: 1626-1628

Большая синица *Parus major* кормится в старом гнезде серой вороны *Corvus cornix*

А.Г.Резанов

Александр Геннадиевич Резанов. Кафедра биологии животных и растений,
Московский городской педагогический университет, Институт Естественных наук,
ул. Чечулина д. 1, Москва, 119004, Россия. E-mail: RezanovAG@mail.ru

Поступила в редакцию 15 мая 2014

Утром 29 мая 2002 в Коломенском (Москва) самец большой синицы *Parus major* обследовал старое гнездо серой вороны *Corvus cornix*, расположенное на осине *Populus tremula* на высоте 3.5 м по краю Голосова оврага и яблоневого сада. Синица неоднократно залетала внутрь гнезда, а также несколько раз что-то склёвывала с его стенки. Предположительно, объектами её охоты могли быть пухоеды Mallophaga, личинки мух Diptera, блохи Aphaniptera и другие эктопаразиты, характерные для вороньих гнёзд.

Известно, что большая синица иногда гнездится в старых гнёздах сорок *Pica pica* (Бардин 1983) и других птиц (Cramp *et al.* 1993). В «Птицах Казахстана» (Кузьмина 1972) есть ссылка на работу В.И.Ос-

моловской и А.Н.Формозова (1955), наблюдавших в лесопосадках за большой синицей, которая за 40 мин наблюдений три раза обследовала старые сорочьи гнёзда. На зимовках в Северном Прикаспии и на Мангышлаке большие синицы обыскивают гнёзда сорок, грачей *Corvus frugilegus*, коршунов *Milvus migrans* (Пославский и др. 1964). Большие синицы, гнездящиеся в основании гнёзд грача, даже кормятся остатками пищи, выроненной грачами (Murton 1971 – цит. по: Cramp *et al.* 1993). Предположительно, осматривание старых гнёзд врановых птиц с целью выбора места для собственного гнездования может провоцировать соответствующее кормовое поведение, поскольку в старых гнёздах в той или иной степени представлена соответствующая энтомофауна (пупарии мух, различные эктопаразиты).

Обследование старых и жилых птичьих гнёзд известно и для других воробьиных птиц. Так, белая трясогузка *Motacilla alba*, по наблюдениям в Московской области, осматривает норы береговых ласточек *Riparia riparia* (после вылета птенцов) и кормится там мухами (Резанов 1997). В Дарвиновском заповеднике белая трясогузка не только гнездится в огромных гнёздах орлана-белохвоста *Haliaeetus albicilla*, но и ловит там насекомых (Резанов 2003, 2012 – А.В.Кузнецов, устн. сообщ.). При обследовании гнёзд орлана трясогузка использует разные кормовые методы: 1) «пешее» обследования края гнезда; 2) облёт гнезда в порхающем полёте с «зависаниями» и схватыванием насекомых с поверхности гнезда; 3) облёт гнезда в порхающем полёте и добывание в воздухе взлетающих мух. А.А.Кищинский (1980) для Корякского нагорья отмечал, что на морском пляже под птичьим базаром белые трясогузки копались в упавших гнёздах моёвок *Rissa tridactyla pollicaris* и беринговых бакланов *Phalacrocorax pelagicus aeolus*, отыскивая там пупарии мух. В Башкирии полевые воробьи *Passer montanus* выискивали себе корм в гнёздах серых цапель *Ardea cinerea* и чёрных коршунов; в этих же гнёздах воробьи и гнездились (Черных 1981). Учитывая, что полевой воробей на значительном пространстве своего ареала использует для гнездования старые гнёзда голенастых, хищных, врановых и других крупных птиц (Носков 1981; Cramp *et al.* 1993; Барановский 2010 и др.) такое поведение весьма ожидаемо.

Литература

- Барановский А.В. 2010. Механизмы экологической сегрегации домового и полевого воробьёв. Рязань: 1-192
- Бардин А.В. 1983. Сем. Синицы – Paridae // А.С.Мальчевский, Ю.Б.Пукинский. Птицы Ленинградской области и сопредельных территорий. Л., 2: 269-298.
- Кищинский А.А. 1980. Птицы Корякского нагорья. М.: Наука: 1-336.
- Кузьмина М.А. 1972. Семейство Синицевые – Paridae // Птицы Казахстана. Алма-Ата, 4: 264-311.
- Носков Г.А. (ред.) 1981. Полевой воробей *Passer montanus* L. (Характеристика вида на пространстве ареала). Л.: 1-302.

- Пославский А.Н., Постников Г.Б., Самарин Е.Г. 1964. О зимовках птиц в Северном Прикаспии и на Мангышлаке // *Охотничьи птицы Казахстана*. Алма-Ата: 157-180.
- Резанов А.Г. 1997. Кормёжка белых трясогузок *Motacilla alba* в норах береговых ласточек *Riparia riparia* // *Рус. орнитол. журн.* **6** (11): 22.
- Резанов А.Г. 2003. *Кормовое поведение Motacilla alba L. 1758 (Aves, Passeriformes, Motacillidae): экологический, географический и эволюционный аспекты*. М.: 1-390.
- Резанов А.Г. 2012. *Кормовое поведение Motacilla alba L. , 1758*. LAP LAMBERT Acad. Publ.: 1-436.
- Черных Л.А. 1981. К экологии серой цапли в Башкирии // *Экология и охрана птиц*. Киншинёв: 235-236.
- Cramp S., Perrins C.M., Brooks D.J. 1993. *Handbook of the Birds of Europe, the Middle East and North Africa. The Birds of the Western Palearctic. Vol.VII. Flycatchers to Shrikes*. Oxford Univ. Press.: 1-577.

ISSN 0869-4362

Русский орнитологический журнал 2014, Том 23, Экспресс-выпуск 1004: 1628-1629

Случай остановки мигрирующих лебедей-шипун *Cygnus olor* на городском пруду Караганды

Н.Н.Березовиков

Николай Николаевич Березовиков. Лаборатория орнитологии и герпетологии, Институт зоологии, Министерство образования и науки, проспект Аль-Фараби, 93, Алматы, 050060, Казахстан.
E-mail: berezovikov_n@mail.ru

Поступила в редакцию 2 апреля 2014

В Карагандинской области лебеди-шипуны *Cygnus olor* встречаются в основном в период миграций. Первый случай их гнездования был отмечен летом 1980 года на озере Сасыкколь, в 18 км юго-западнее города Шахтинска (Ленхольд 2013). В Караганде и на водоёмах в его ближайших окрестностях их ни разу не встречали, поэтому представляет интерес факт остановки на отдых 12 октября 2013 мигрирующей пары взрослых шипунов на большом пруду в центральном парке этого города (рис. 1, 2). Примечательно, что в этом году была завершена реконструкция пруда в качестве зоны отдыха и на его берегу построена смотровая площадка с фонтанами.

Лебеди в течение дня отдыхали на плёсе на виду у множества отдыхающих людей и вели себя абсолютно спокойно. Время от времени они кормились, доставая со дна водную растительность (рис. 2). Вероятнее всего, столь необычное их поведение обусловлено тем, что здесь остановились лебеди из какой-то урбанизированной популяции, уже имеющих опыт обитания в местах с интенсивной рекреацией.

Рис. 1. Большой пруд в центральном парке Караганды.
6 октября 2012. Фото И.С.Таболиной.

Рис. 2. Лебеди-шипуны *Cygnus olor* на пруду в парке Караганды.
12 октября 2013. Фото И.С.Таболиной.

Для казахстанских городов появление не боящихся людей лебедей-шипунов – явление совершенно новое. Если в северных и западных частях республики размножающиеся шипуны иногда встречаются на сельскохозяйственных прудах и озёрах по окраинам деревень и даже крупных посёлков, то в центральных, южных и юго-восточных регионах республики лебеди, как правило, избегают близости населённых пунктов и останавливаются в основном на больших водоёмах, избегая соседства человека.

Литература

Ленхольд В.А. 2013. Птицы города Караганды и его окрестностей // *Орнитол. вестн. Казахстана и Средней Азии* 2: 3-63.

